

— Последнее предположение вызвало у толпы дружный смех.

— Люди всегда считают самую верную истину самой нелепой, — система, казалось, была слегка озадачена.

— ...

Шэнь Чи невольно задержал взгляд на человеке, который это высказал. Это была маленькая девушка с персиковым румянцем и миндалевидными глазами, одетая в синее. Сейчас она стояла среди претендентов, густо покраснев от общего смеха.

Гуан Чэнъинь же, будто не слыша пересудов, не сводил глаз с Шэнь Чи. С того ракурса, под которым он стоял, ему были видны лишь нижняя часть лица собеседника и смутные очертания под тенью капюшона. Но даже этого было достаточно, чтобы понять: Шэнь Чи вовсе не так уродлив, как он насмешливо предполагал ранее.

Напротив, внешность у него должна быть весьма примечательной.

Юнь Юй стоял поодаль, также не спуская глаз с Шэнь Чи, готовый вмешаться, если юноша проявит хоть малейшее недовольство и ситуация выйдет из-под контроля.

В конце концов, он до сих пор помнил о талантливом старшем брате Шэнь Чи. Что, если Шэнь Ухо узнает, что его брата притесняли прямо под носом у секты Чэнцзянь, и откажется вступать в их ряды? При этой мысли лицо Юнь Юя стало строже, и стоящие рядом ученики секты, внимательно следившие за каждым движением старшего наставника, тоже подобрались.

Когда мнения толпы разделились, а особо нетерпеливые уже были готовы сорвать с Шэнь Чи капюшон, чтобы подтвердить свои догадки, тот под всеобщими взглядами просто поднял руку и откинул капюшон назад.

Никто, включая зевак, Гуан Чэнъиня и даже Юнь Юя с другими заклинателями, не ожидал такой решительности.

В представлении большинства люди, прячущиеся под такой одеждой, либо имеют тайну, либо настолько уродливы, что не могут показаться на людях. В любом случае, никто не думал, что Шэнь Чи так легко явит свое лицо.

Даже Юнь Юй, который уже видел Шэнь Чи, был удивлен. Он-то знал, что тот вовсе не урод, но раз Шэнь Чи так тщательно скрывался, на то должна была быть причина. Юнь Юй уже приготовился в любой момент вмешаться, чтобы спасти парня от неловкости.

Но Шэнь Чи не только откинул капюшон, он сделал это с такой непринужденностью...

После короткого изумления воцарилась долгая тишина.

Особенно тяжело пришлось Гуан Чэнъяню, стоявшему ближе всех. Когда Шэнь Чи начал движение, он затаил дыхание, а теперь покраснел от напряжения. Еще мгновение назад, заметив лишь силуэт, он понял, что Шэнь Чи хорош собой, но не ожидал, что настолько... красив. Гуан Чэнъянь долго перебирал в уме слова, но нашел лишь это определение.

Чертами лица Шэнь Чи пошел в мать. Чи Юаньцзя, воспитанная в строгих правилах знатного дома, не была широко известна в мире Чулин, но достаточно сказать, что Шэнь Ле, известный своей любовью к красоте, выбрал ее, будучи в положении, и не оставлял долгие годы — это о многом говорило.

Шэнь Чи обладал безупречно тонкими и изящными чертами. Пусть он был еще юн, но любой, кто видел его, не мог сдержать восхищения.

Впрочем, само по себе это не повергло бы толпу в такой шок. Все дело было в контрасте: люди заранее решили, что под капюшоном скрывается уродство, и эта резкая смена ожиданий вызвала такой эффект.

Шэнь Чи посмотрел на застывшего в недоумении Гуан Чэнъяня и спросил:

— Что-то еще?

На самом деле, открывая лицо, Шэнь Чи не задумывался о последствиях. Для него внешность была лишь иллюзией, а единственным смыслом жизни — достижение предела силы. Даже если бы он остался изуродованным, он поступил бы точно так же.

Однако реакция окружающих его озадачила.

Стоило ему откинуть капюшон, как враждебные взгляды мгновенно исчезли, сменившись дружелюбием и восторгом.

В прошлой жизни, не считая рано ушедшей матери, Шэнь Чи видел в глазах окружающих лишь презрение, отвращение и насмешки. Самым мягким чувством, которое он встречал, была жалость.

А жалость Шэнь Чи ненавидел больше всего.

Лишь слабые нуждаются в жалости.

Тогда он поклялся стать сильным, ведь сила — символ истинного господства.

Шэнь Чи преуспел. Он взошел на трон владыки демонов, превратив жалость и презрение в трепет, став для всех воплощением ужаса. Его смерть стала праздником для всего мира заклинателей. Видимо, Шэнь Ухо совершил доброе дело.

При мысли о Шэнь Ухо Шэнь Чи нахмурился. Из всех его врагов только Шэнь Ухо никогда не проявлял при виде его лица никаких эмоций: ни страха, ни отвращения, ни сочувствия. Он всегда оставался холодным и бесстрастным. Если бы не последняя битва, Шэнь Чи мог бы даже поверить в его дружелюбие.

Очевидно, он ошибся.

Но нынешняя перемена в поведении толпы была ему непонятна.

— Почему они так резко изменили отношение?

— Отвечаю хозяину: потому что вы красивы, — снова выдала система стандартный ответ, но, видимо, вспомнив прошлые разы, добавила: — Статистика показывает, что люди испытывают больше симпатии к внешне привлекательным особям, а это определяет их отношение. Однако из-за вашего возраста они испытывают лишь дружелюбие, иначе многие могли бы влюбиться в вас с первого взгляда.

Шэнь Чи знал, что такое любовь с первого взгляда, но к нему? Это казалось нелепым. Если бы они его боялись — это было бы куда правдоподобнее.

Спустя долгое время Гуан Чэнъинь пришел в себя, тяжело вздохнул, отвел глаза и, помедлив, произнес:

— Я...

С его голосом толпа словно очнулась. Все перевели взгляды на Гуан Чэнъиня, но теперь в их глазах читалось не любопытство, а осуждение. Будто по мановению волшебной палочки Шэнь Чи из обидчика превратился в жертву.

Но к еще большему удивлению толпы, Гуан Чэнъинь не стал оправдываться. Он резко вскочил, растолкал людей и прыгнул с помоста. Высота была около пяти футов, прыжок вышел неудачным, и он, споткнувшись, приземлился на руку. Раздался сухой хруст — рука была сломана. Но он, не обращая внимания на боль, другой рукой оттолкнулся от земли, вскочил и, прижимая поврежденную конечность, побрел прочь с испытательной площадки.

Когда Гуан Чэнъинь скрылся, люди окружили Шэнь Чи, наперебой выражая сочувствие.

— Братец, ты в порядке?

— Тот парень просто шут гороховый, не бери в голову.

— Прогнав провокатора, вы изменили образ в глазах окружающих. Очки успеха возросли на 2%. Хозяин, продолжайте в том же духе, — голос системы звучал бодро.

Глядя на сбежавшего юношу, на эту толпу, сменившую гнев на милость, и слушая систему, Шэнь Чи почувствовал абсурдность происходящего.

— У кого-нибудь еще есть вопросы? — голос Юнь Юя оставался мягким, но в нем чувствовалась властная нотка, отсекающая толпу от Шэнь Чи. — Если нет, то те, кто не прошел испытание, могут быть свободны.

Шэнь Чи взглянул на Юнь Юя, поймал его ответный взгляд и одарил его благодарной улыбкой, после чего опустил голову.

Юнь Юй на мгновение замер, глядя на черную макушку юноши, и остался доволен. Приятная внешность, хорошие манеры, отличные кости и редкая проницательность. Если не считать духовных корней, этот ребенок был просто идеальным материалом.

Если бы только духовные корни... Юнь Юй о чем-то задумался, и его глаза слегка блеснули.

Под присмотром учеников секты Чэнцзянь на площадке осталось лишь восемьдесят прошедших испытание.

Шэнь Чи вернулся в строй. Теперь никто не шарахался от него, напротив, многие подходили, чтобы познакомиться.

Юнь Юй оглядел собравшихся и, дождавшись тишины, мягко произнес:

— Пройдя сегодняшнее испытание, вы стали частью секты Чэнцзянь. Станете ли вы учениками внутренних или внешних покоев, решит проверка духовных корней. Но даже если попадете во внешние покои, не переживайте: каждые три года проводятся внутренние экзамены. Любой ученик, достигший стадии построения фундамента, может принять участие и перейти во внутренние покои.

Услышав, что они уже приняты, Чу Сылинь, стоявший рядом с Шэнь Чи, просиял, но, услышав о внешних покоях, занервничал:

— Если попаду во внешние, ресурсов будет меньше. Как тогда достичь построения фундамента за три года, чтобы пройти экзамен?

Шэнь Чи посмотрел на юношу, который не переставал бормотать у него над ухом:

— Не волнуйся, ты попадешь во внутренние покои.

Мало того, что он попадет туда, так его еще и заметит один из великих мастеров стадии

трансформации божества и сделает своим личным учеником.

Чу Сылинь не ожидал, что Шэнь Чи ответит ему, да еще и так уверенно. Он расплылся в глупой улыбке:

— Спасибо! Мне стало гораздо спокойнее, когда ты это сказал.

Почти все вокруг реагировали так же. Толпа зашумела, в глазах людей читалась тревога.

Юнь Юй довольно улыбнулся и развел руками. На его ладони появился изумрудный лист размером с большой палец, чистый и прозрачный. Он подбросил его, и лист, словно надуваясь, мгновенно превратился в гигантский корабль.

— Прошу всех на борт. Возвращаемся в секту.

Чу Сылинь, хоть и был из знатного рода, никогда не видел такого огромного летающего артефакта. Поднявшись на борт, он не переставал оглядываться:

— Не зря это секта номер один! Уровень этого артефакта явно выше сокровища!

Когда все заняли места, Юнь Юй сложил пальцы в печати, и корабль начал подниматься в небо.

Из-за затянувшихся испытаний наступили сумерки. Снег, шедший весь день, прекратился, покрыв землю полуфутовым слоем белого полотна.

Когда корабль взмыл вверх, город Цзинсянь начал уменьшаться, превращаясь в схематичный рисунок. Пробивая облака, Шэнь Чи словно почувствовал что-то и снова посмотрел вниз.

С такой высоты он едва мог разглядеть в ночных сумерках одинокую темную фигуру, стоящую на опустевшей площади. Она казалась такой покинутой.

Корабль пронзил облака, перед глазами рассыпались звезды, в небе сияла половина луны. Увидев это впервые, новобранцы не могли сдержать возгласов восхищения.

Чу Сылинь отвел взгляд от звезд и невольно посмотрел на Шэнь Чи рядом. В бледном лунном свете его изящный профиль заставил юношу замереть — он только сейчас понял, что Шэнь Чи так и не надел капюшон обратно.

Заметив взгляд, Шэнь Чи повернулся:

— Что-то нужно?

Пойманный с поличным, Чу Сылинь покраснел и замялся:

— Я... я хотел спросить, что ты имел в виду, когда перед испытанием сказал про «вырванное из контекста»?

Во время испытаний у него не было времени об этом думать, но теперь вопрос снова всплыл.

Чу Сылинь, хоть и был на голову выше Шэнь Чи, хотя им обоим было по одиннадцать-двенадцать лет, смутился под его спокойным взглядом. Шэнь Чи ответил:

— Ты сказал, что мудрец учил: лишь смирение позволяет продвинуться дальше. Это правда, но слышал ли ты продолжение этой фразы?

— А? — Чу Сылинь растерялся. Он вырос на этой фразе и никогда не знал, что у нее есть вторая часть.

— Мудрец говорил: Великое Дао переменчиво, и лишь немногие достигают успеха. Мы подобны пылинкам, и только со смирением можно двигаться вперед. Но пылинки ничтожны, она должна хранить свое начало и бороться за вершину, лишь тогда можно постичь Дао, — Шэнь Чи произнес это с ноткой печали в голосе. — Эти слова из «Хроник Чулин: Изречения мудреца».

Голос Шэнь Чи был негромким и терялся в шуме возбужденных подростков.

Чу Сылинь услышал его и покраснел, пожалев, что забросил толстую книгу куда подальше.

— Ты прочитал все «Хроники Чулин»?

Шэнь Чи коротко кивнул и замолчал.

«Хроники Чулин» описывали большую часть истории этого мира, состояли из тысяч томов и миллионов слов, включая происхождение сект и знатных родов. Хотя они не были исчерпывающими, из-за широты охвата их давали читать каждому ребенку из заклинательских семей.

Родившись в семье Шэнь, Шэнь Чи такой чести не удостоился. Но эту книгу он выучил наизусть еще в шесть лет в прошлой жизни, и каждое слово было услышано им из уст матери, Чи Юаньцзя.

Город Цзинсянь был недалеко, и корабль, летевший с огромной скоростью, вскоре остановился.

В лунном свете виднелись лишь общие очертания гор. Величественные пики уходили в облака, на вершинах кое-где мерцали огни. Ветер свистел в ушах, слышался крик ночного ястреба — зрелище было захватывающим.

— Перед вами секта Чэнцзянь, — громко сказал Юнь Юй. — Поскольку уже поздно, я представляю вам пики, а завтра проведем проверку духовных корней.

Упомянув проверку, Юнь Юй задержал взгляд на Шэнь Чи.

— Главный пик перед вами — пик Цанлин, основной пик секты. Четыре боковых пика — Чиянь, Линъюань, Минцзянь и утес Бугуй. Пик Чиянь предназначен для учеников внешних покоев, Линъюань — для выращивания трав и разведения зверей. На пике Минцзянь хранятся все бесхозные артефакты и мечи, когда достигнете стадии золотого ядра, сможете выбрать себе партнера. Что касается утеса Бугуй на севере — это запретная зона, советую вам туда не соваться.

— Почему? — раздался чей-то вопрос. Почти все повернулись к Юнь Юю.

Тот не ответил сразу, а вместо этого спросил:

— Зачем вы решили вступить в Чэнцзянь?

Юноша, задавший вопрос, замялся, но ответил:

— Чтобы стать бессмертным.

— Зачем?

— Только став бессмертным, можно обрести вечную жизнь!

— Хорошо, — Юнь Юй кивнул. — Название утеса Бугуй означает «невозвратный». Если вы хотите вечной жизни, не задавайте больше этот вопрос. Теперь я представляю другие пики...

Ответ Юнь Юя заставил новобранцев побледнеть. Те, кто еще минуту назад был полон энтузиазма, притихли и стали внимательно слушать.

Шэнь Чи, хоть и знал многое о секте из прошлой жизни, никогда не видел ее так открыто с высоты. Древняя секта, наконец, приоткрыла перед ним свою завесу.

Шэнь Чи перевел взгляд на пик Чиянь. Он был ниже главного пика, но по площади превосходил его. Именно здесь ему предстояло провести ближайшее время.

— Не волнуйся, ты показал себя отлично, корни у тебя прекрасные, тебя точно не отправят во

внешние покои, — прошептал Чу Сылинь, заметив, что Шэнь Чи смотрит на пик Чиянь, и решив, что тот боится туда попасть.

— Верно! Вспомни, как тот парень сбежал, было так смешно!

— Ты точно справишься. Кстати, что ты там написал, что всех так впечатлило?

Слушая «утешения» окружающих, Шэнь Чи замер. Откуда они взяли, что он боится внешних покоев?

На следующее утро.

На рассвете учеников, размещенных на пике Чиянь, разбудил звон колокола.

Шэнь Чи открыл дверь, набрал воды из колодца во дворе, умылся и вышел.

Когда он пришел к месту сбора, Юнь Юй беседовал с улыбающимся мужчиной средних лет. Увидев Шэнь Чи, он спросил:

— Как спалось?

— Благодарю, наставник, отлично, — ответил Шэнь Чи и посмотрел на мужчину. — А это кто?

— Это распорядитель внешних покоев, мастер Цинъянь, — представил его Юнь Юй, а затем повернулся к Цинъяню: — Это Шэнь Чи, новый ученик.

Цинъянь за свою жизнь повидал немало людей, но такого красивого юношу видел впервые. Неудивительно, что Юнь Юй просил присмотреть за ним. С этой мыслью он приветливо улыбнулся и, перекинувшись парой вежливых фраз, ушел.

Вскоре начали подтягиваться остальные ученики, все сонные и помятые.

Чу Сылинь зевнул, пошатываясь, и встал рядом с Шэнь Чи. Заметив, что тот выглядит свежим, он удивился:

— Ты не нервничаешь? Я всю ночь не спал, только под утро задремал.

— А зачем нервничать? — Шэнь Чи повернулся к нему с недоумением.

Первые лучи солнца коснулись лица Шэнь Чи, подчеркивая тонкие черты. Его взгляд был

ясным и глубоким.

— Ох... — Чу Сылинь и все, кто смотрел на Шэнь Чи, замерли.

Через минуту Чу Сылинь откашлялся и покраснел:

— Ну... потому что боюсь попасть во внешние покои.

Шэнь Чи посмотрел на них и спросил:

— Если ты будешь нервничать, результат изменится?

— Нет, не изменится.

— Раз не изменится, зачем нервничать? К тому же, разве внешние ученики не могут попасть во внутренние через три года? Если усердно практиковаться, рано или поздно достигнешь построения фундамента. Или ты собираешься перестать практиковаться, если попадешь во внешние?

Шэнь Чи замолчал. Он не любил пустых тревог. Сказал так много лишь потому, что Чу Сылинь несколько раз его защитил.

Чу Сылинь выпрямился, его лицо стало спокойнее, а в глазах появилась нотка восхищения:

— Я понял. Спасибо тебе.

<http://bllate.org/book/19444/1906341>